

МЕГАН БРЭНДИ

ИСКУСИТЕЛЬНАЯ

маленькая

ВОРОВКА

INSPIRIA

МОСКВА
2024

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б89

Meagan Brandy
TEMPTING LITTLE THIEF

Copyright (c) 2023. TEMPTING LITTLE THIEF by Meagan Brandy
The moral rights of the author have been asserted

Перевод с английского *Т. Косоруковой*
Художественное оформление *А. Андреева*

Брэнди, Меган.

Б89 Искушительная маленькая воровка / Меган Брэнди ; [перевод с английского Т. Косоруковой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 480 с.

ISBN 978-5-04-202561-7

Бас Бишоп привык получать все, что пожелает. Особенно, когда дело касается девушек.

Но так было до тех пор, пока он не встретил Роклин Ревено. Она – студентка Академии Грейсон, самого престижного заведения для юных гениев, дочь богатых родителей и... будущая королева подпольного преступного мира.

Ее окружение не терпит тех, кто создает проблемы. Таких, как Бас. Но он ничего не боится, и никто не заставит его забыть о Роклин. Впрочем, сможет ли она отказаться от привычной жизни ради парня, у которого ни гроша за душой?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-202561-7

© Косорукова Т., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Синопис

Бастиан Бишоп. Так его зовут.

Он грубый, неотесанный и совершенно непредсказуемый.

Он неосторожен и не склонен к созерцанию. Он вулкан.

Молчаливый и уравновешенный в одну секунду, а в следующую превращается в гребанный кошмар...

Но это еще не самое худшее.

Кто этот парень? Он чужак, а в моем мире чужакам не место.

Их здесь не ждут, и обычно они бесследно исчезают, но ему, похоже, все равно.

После одной ночи безрассудного бунта татуированный тиран снова возвращается, пробравшись в мой мир без разрешения и создав проблемы, которых я не могу допустить.

Я должна покончить с этим прямо сейчас, пока мой отец не узнал о его существовании и не сделал это за меня, но Бишоп этого не допустит.

Он говорит — нравится тебе это или нет... Теперь я принадлежу ему, и ничто и никто не встанет у него на пути.

Что он отказывается понимать, так это то, что я — будущая королева подпольного преступного мира.

Он же, наоборот, никто — маленький человек, у которого ни гроша за душой, и он угроза для меня.

Существование слова «мы» для нас невозможно, но он и слышать об этом не хочет.

А я? Я точно знаю, чем все это закончится.

По крайней мере, так я думала, пока предательство не стало приносить такую нестерпимую боль, что внезапно всё потеряло смысл.

Всё, кроме него...

Тем, кто везде чужой..
К черту главную дорогу.
Проложи свою и наблюдай, как они будут
толпиться у финиша.

Академия Грейсон Элит

ПРОЛОГ

Четыре года назад

ЖИДКОСТЬ БАГРОВОГО ЦВЕТА ТЕЧЕТ ПО БЕТОННЫМ ПЛИТАМ, ЗАПОЛНЯЯ собой трещины, проливается на выжженную траву, уходит в корни и горит, как пламя без огня.

Какого хрена в десяти метрах от меня делает мужчина в желтых спортивных штанах, с широко раскрытыми глазами и поднятыми в воздух руками? Его губы шевелятся, но, даже если он что-то и говорит, я ничего не слышу.

Нет, не так.

Я слышу что-то глубоко в глубине своего сознания.

Крик.

Крик боли.

Крик о помощи.

Крик о пощаде.

У меня перед глазами все плывет, время как будто отматывается назад, и в моей разбитой голове заново проносится то, что привело меня прямо сюда, прямо сейчас...

— *Пожалуйста, нет. Пожалуйста, не надо. Я буду вести себя хорошо. Я буду вести себя тихо.*

— *Ты ничтожество.*

Удар.

— *Дрянь.*

Удар.

— *Мусор.*

Треск.

Снова крик.

Я не узнаю свой голос, который вырывается у меня из груди, когда освобождаюсь от кабельных стяжек, сдирая несколько слов кожи.

Электрический провод, которым он привязал меня к этому стулу, крепко стягивает мой живот, но жуткие звуки, доносящиеся с нижнего этажа, ясно дают понять, что у меня нет времени искать что-нибудь подходящее, чтобы перерезать толстую медь, впивающуюся мне под ребра, поэтому я неуклюже поднимаюсь на ноги и поворачиваюсь так, чтобы оказаться лицом к кровати.

Втянув в себя столько воздуха, сколько вмещает в себя моя сдавленная грудная клетка, я разбегаюсь и несусь задом наперед, врезаясь в стену хлипкой деревянной спинкой. Гортанный крик вырывается из моего горла, когда плечо с хрустом ударяется о стену, но я делаю это снова.

— Черт, — шиплю я. — Давай, давай же, давай...

Деревянные щепки летят на мою голую спину, впиваясь в свежие рубцы и заново разрывая полузажившие. Я пробую еще. И снова мои челюсти рискуют треснуть от того, как сильно я их стискиваю.

Я задыхаюсь, все мое тело сотрясается от ярости, когда крики с первого этажа становятся еще громче.

Теплая жидкость течет по моему правому боку, грудь вздымается, но я не останавливаюсь. Вбираю в себя побольше адреналина, и с последним треском задние перекладины стула ломаются, отрываясь от основания и левого подлокотника настолько, что теперь я могу пошевелиться и выползти из-под провода.

— Ты собралась плакать?! — кричит он. — Я тебя заткну!

— Нет! — всхлипывает она.

Мое сердце бешено колотится, когда я бегу на голос. Раны на ногах с каждым шагом кровоточат все больше и больше, но мне все равно. Я не чувствую боли.

Я почти ничего не чувствую. Новая, более темная форма ярости просачивается в мои внутренности и пробирает меня изнутри.

— Вернись, маленькая сучка! — требует он, и входная дверь с грохотом слетает с петель.

— Черт! — Я бегу вниз по лестнице.

Она выбежала на улицу.

Мы никогда не выбегаем на улицу, когда он в таком состоянии или после, — но, с другой стороны, раньше это никогда не длилось так долго.

Мой желудок подскакивает к горлу, когда в поле зрения появляется гостиняя.

Осколки стекла на полу, пятна крови на загаженном пушистом ковре — постоянное напоминание, как будто оно мне нужно, о том, что он способен сделать с ней, со мной.

Моя мать прижимается к теперь уже сломанной дверной раме, накрывая ее собой, и в тот момент, когда она слышит, что я приближаюсь, она пытается помешать мне войти, но я отталкиваю ее и вырываюсь, когда она протягивает руку, чтобы вцепиться в мое запястье.

Ужас захлестывает меня, и я резко останавливаюсь на крыльце.

Лицо моей сестры еще больше распухло, кровь сочится из того места на голове, куда он ударил ее рукояткой пистолета, прежде чем связать меня, — пуля, предназначавшаяся ей, все еще в моей плоти. Она изо всех сил старается держать глаза открытыми, но ее тело обмякает, когда наш отец за волосы тащит ее обратно к дому.

Я должен добраться до нее.

Я должен освободить ее.

Я спасу ее.

Он замечает меня и останавливается, бросая взгляд через мое плечо.

И тут тело моей матери врезается в меня сзади, сбивая с ног. Мать бьется в истерике — боится за мужчину, которого любит больше своих детей. Упав в грязь, она отползает назад и прячется

за цветочным горшком, когда отец нажимает на спусковой крючок пистолета, зажатого в левой руке. Резкое «бам» раздается среди деревьев, и пуля летит в землю у его ног.

— Сынок, прекрати! У тебя повсюду кровь! Возвращайся в дом, пока кто-нибудь не увидел! — кричит она, снова умоляя нас, жертв, «вести себя хорошо» и принять наказание, которое мы «заслуживаем».

Конечно, черт возьми, у меня кровь. Я прибежал домой, увидел пистолет, направленный в голову моей сестры, и выражение неизбежности в ее глазах.

Я прыгнул как раз в тот момент, когда он нажал на курок.

В чем я облажался, так это в том, что повернулся посмотреть, все ли в порядке с сестрой и оценить рану от удара. Он воспользовался моей ошибкой, ударив меня сзади, когда я не видел.

Теперь я не буду таким наивным.

Но моя мать такая же глупая, как и жалкая. Отец только что выстрелил из того же самого пистолета прямо у нас на дворе перед домом, там, где моя сестра истекает кровью и дрожит в его объятиях; ее тело свисает к его ногам, как будто она крепостная крестьянка, а он король.

Больше никаких «прятков в доме».

Больше никакого «зажимания рта».

Больше никаких «прикрываний синяков под одеждой».

Это происходит прямо здесь... сейчас.

Тот день, которого мы боялись, но которого ждали.

Момент, которого мы боялись, но о котором мечтали.

Это конец. Его... или наш.

Кулак, вцепившийся в волосы моей сестры, сжимается, и я прикусываю внутреннюю сторону щеки, пытаюсь придумать, как ей помочь. Как занять ее место.

Она бьется в его руках, плачет, умоляет, но он продолжает тащить ее вперед, ко мне.

Я выхожу, шагаю немного в сторону, чтобы больше не стоять на пути к двери, а быть справа от него, и теперь я почти в центре двора.

Мама умоляет меня зайти внутрь, она настойчиво просит всех нас войти в дом, но я даже не смотрю на нее. Я не отрываюсь от налитых кровью глаз, которые смотрят прямо на меня.

— Ты думаешь, что ты крутой, малыш? — он машет пистолетом у себя за спиной. — Иди в чертов дом. Сейчас же.

— Отпусти ее.

Можно подумать, у меня из ушей выползают змеи, судя по тому, как выпучились глаза отца при моем неповиновении. Шок немного отрезвил его.

— Не надо! — умоляет сестра; ее сдавленные хрипы отнимают у нее последние силы. — Просто остановись. Всё в порядке.

Она дрожит, страх перед тем, что он сделает со мной, пронизывает ее тело, точно так же, как и мое — от того, что он может сделать с ней.

Я меняю положение, становясь так, чтобы находиться параллельно передним окнам и не подставлять спину матери и любой глупой идее, которая может прийти ей в голову, чтобы помочь своему мужу. Как только листья соседских кустов царапают мне по ногам, я останавливаюсь, и они оба теперь передо мной.

Как я и предполагал, отец повторяет мое движение, отходя вбок, чтобы снова оказаться лицом ко мне.

Он нервничает и вертит головой по сторонам, когда где-то вдалеке завывают сирены, и его ноздри раздуваются — он знает, что мы не можем долго здесь торчать. Про себя он думает, что если вернет нас в дом, то сможет, по крайней мере, попытаться спрятать нас, придумать какое-нибудь оправдание — например, как тогда, когда я попал в «аварию на велосипеде», в результате которой у меня было сломано несколько костей, хотя на самом деле он вышвырнул меня из окна верхнего этажа, отправив прямо на капот своего «Эль Камино», стоящего на подъездной дорожке, потому что подумал, что я выходил из дома со свежим синяком под глазом, который он поставил мне накануне. Я не выходил, это была сестра, но я знал, что один из нас получит от него за это, и поэтому решил, что это буду я.

Возможно, он немного ослабляет хватку, потому что в следующую секунду пронзительный крик моей сестры наполняет воздух: она вырывается из его рук, лишившись клока волос, и подползает ко мне.

Я бросаюсь вперед, нежно обхватываю ее и притягиваю к себе. Она обмякает в ту же секунду, как оказывается в моих объятиях, ее глаза мерцают, она что-то бессвязно бормочет.

Мы падаем на землю, и отец с визгом подпрыгивает, бросаясь на нас.

Мои зрачки расширяются, когда он поднимает пистолет, направляя его на сестру, но затем что-то холодное прижимается к моей ладони.

Я, хмурясь, смотрю вниз, как будто в замедленной съемке, хотя, должно быть, это длится не более доли секунды, — на матово-черный пистолет. Мой взгляд скользит по разбитым костяшкам пальцев руки, протягивающей его мне сквозь куст.

Хейз Гарретт — мой единственный друг, и мне не нужно от него прятаться. Он тоже живет в аду.

Хрустит ветка, я поворачиваюсь лицом вперед, поднимаю левую руку и ухмыляюсь.

Глаза отца широко распахнуты, а у меня из груди вылетает холодный, безжизненный смех. Я нажимаю на курок в тот же момент, что и он.

Мое тело дергается, а его сдается.

Он падает на землю с грохотом, от которого у меня по спине пробегает приятная дрожь.

Мой пульс тяжело отдается в ушах, я слышу громкие и протяжные крики матери, стоны сестры, а потом... ничего.

Я не чувствую ни пулю, которую он всадил мне в плечо ранее, ни ссадин, которые его ремень прорисовал у меня на спине. Я не чувствую жжения шипов, застрявших в сухой траве, не чувствую порезов, которые он оставил на подошвах моих ног своим охотничьим ножом, чтобы «удержать меня в кресле», как он сказал. Я не чувствую ни беспокойства, ни тревоги, ни страха.

Я не чувствую себя беспомощным, загнанным в ловушку.

Я ни хрена не чувствую.

Я подхожу к безжизненному телу моего отца и смотрю вниз на жалкое подобие человека, ради которого зря потратили плоть и кровь.

Моргаю, зрение проясняется, я возвращаюсь в реальность.

Мои глаза все еще прикованы к земле, перемещаются по багровой дорожке, от травы к трещинам на цементной плите... и вверх к его уху и виску, к самому центру между бровями, откуда хлещет кровь.

Идеальный выстрел.

Склоняю голову набок и смотрю в глаза цвета хрустала, те же самые, которые вижу в зеркале каждое утро.

Человек, которому, как говорят в фильмах, вы должны доверять и которого любить больше всех на свете.

Человек, который показал нам, что *никому* нельзя доверять. Ни мужчине, ни женщине, если уж на то пошло.

Мой отец.

Жестокий пьяница.

Гребаный алкаш.

Медленная ухмылка расплзается по моим губам.

Приглушенные крики пробиваются в мое сознание, и постепенно эхо в ушах затихает, звуки реального времени обрушиваются на меня все и сразу.

Сирены, крики, требования.

— В тебя стреляли...

Мой выстрел был лучше.

— Сынок, все кончено...

Я больше ничей сын.

— Опусть пистолет...

Опусти, когда буду готов.

— Мы здесь, чтобы помочь...

Никто никогда нам не помогал.

Я направляю пистолет в холодное, мертвое сердце моего дорогого папочки и нажимаю на курок.

После этого все погружается во тьму.